

М.А. Жигунова
кандидат исторических наук, докторант
кафедры этнографии и музееведения
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

СОВРЕМЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО СИБИРИ: САМОСОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА

Начавшийся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. процесс социально-экономического и политического возрождения российского казачества актуализировал исследования по «казачьей» тематике, что проявилось в росте общественного интереса к истории и культуре этой самобытной военно-служилой группе русского этноса, проведении целого ряда научных и научно-практических конференций [1], появлении новых общественных объединений и фондов, исследовательских работ, включая коллективные монографические труды [2]. Процесс возрождения сибирского казачества протекает довольно неоднозначно, характеризуется значительным расколом на общественное и реестровое общества, поисками новых форм идентичности и функциональных ролей.

В данной публикации мы рассмотрим проблему самосознания (самоопределения) и культуры современного сибирского казачества, основываясь на этносоциологических и этнографических материалах, собранных в 1982–2006 гг. экспедициями Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (с 2006 г. – Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН), Омской областной общественной организацией «Центр славянских традиций», а также – лично автором. Исследования проводились на территории России (в Алтайском крае, Омской, Новосибирской, Тюменской областях, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах) и Северного Казахстана (в Кустанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областях). Дополнительными источниками послужили материалы Всероссийской переписи населения 2002 г., личные наблюдения и непосредственное участие автора в экспедиционных исследованиях, работе межрегиональных фестивалей казачьей культуры «Наследие» (2000, 2001, 2003, 2005 гг.), межрегиональных съездах сибирского казачества, сведения и публикации средств массовой информации.

В силу различных исторических и социально-политических факторов культурное наследие сибирских казаков изучено крайне недостаточно. Подавляющее большинство опубликованных работ исследователей Сибири были посвящены аборигенному населению, либо крестьянству и рабочему классу, либо отдельным локальным группам русского этноса. Советские сибиреведы касались отдельных аспектов истории и культуры казачества, как правило, попутно, в связи с разработкой других тем [3]. Только в 1960–1970-е гг. появились первые публикации отечественных историков, посвященные сибирским казакам (Н.Г. Аполлова, М.М. Громыко, Н.В. Горбань, А.И. Долгих, А.Р. Ивонин, Н.А. Миненко, Н.И. Никитин, В.И. Петров, А.Т. Топчий, Н.А. Хвостов и др.). В последующие десятилетия активно разрабатываются различные вопросы истории Сибирского казачьего войска (С.М. Андреев, Н.Г. Аполлова, И.А. Еремин, Д.В. Колупаев, А.А. Малолетко, А.В. Матвеев, Е.Н. Комиссарова, Ю.Г. Недбай, Р.Г. Скрынников, С.В. Шевченко, В.А. Шульдяков, К.Б. Умбрашко и др.), исследуется культурное наследие казаков (Ю.В. Аргудяева, Е.Я. Аркин, Г.Г. Ермак, Е.М. Бородина, М.А. Жигунова, Т.Н. Золотова, А.А. Лебедева, В.А. Липинская, М.Н. Мельников, П.Е. Петров, А.В. Сафьянова, И.Г. Чумаков, Л.Е. Элиасов и др.).

Отдельно следует остановиться на освещении заявленной тематики в Казахстане. Феномен казачества привлекал внимание многих историков, а также – лингвистов, фольклористов, искусствоведов (М.Ж. Абдиров, Н.В. Алексеенко, М.М. Багизбаева, Е.Б. Бекмаханов, Н.Е. Бекмаханова, Г.С. Власова, А.С. Елагин, Ж. Касымбаев, М.К. Козыбаев, И.Н. Князева, Е.Д. Плеханова, А.Д. Цветкова и др.). В зависимости от авторской позиции и времени исследования вопросы истории и культуры, а также – места и роли казачества Казахстана освещаются с различных точек зрения. Можно говорить о «сложившейся традиции казахстанской историографии считать казачество вначале исконно тюркским явлением, трансформировавшимся затем в ходе вековой славянской колонизации юга и юга-востока в русское казачество» [4]. Автор данной публикации проявил интерес к изучению сибирского казачества, начиная со своей первой студенческой этнографической экспедиции в ОмГУ, некоторые итоги многолетних исследований нашли отражение в опубликованных ранее работах [5].

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в перечне встретившихся в переписных листах вариантах самоопределения на вопрос: «Ваша национальная принадлежность», 140292 человек назвали себя казаками. Наибольшее количество таких ответов было зафиксировано в Ростовской и Волгоградской областях (соответственно – 87 492 и 20 648 чел.), а также – Краснодарском крае (17 542 чел.). Интересно, что подобные варианты самоопределения встретились практически во всех административно-территориальных единицах Западной и Восточной Сибири (за исключением Усть-Ордынского Бурятского и Корякского автономных округов). На территории Сибири количество лиц, назвавшихся казаками, колеблется в следующих пределах: Агинский Бурятский автономный округ – 1, Эвенкийский автономный округ – 2, Томская область – 4, Таймырский

автономный округ – 5, Чукотский автономный округ – 7, республика Тыва и Еврейская автономные области - по 8, республика Алтай и Новосибирская область – по 10, Кемеровская и Омская области – по 12, Магаданская область – 22, Читинская область -32, республика Хакасия – 33, Амурская область– 34, республика Бурятия и Ямало-Ненецкий автономный округ – по 51, республика Саха (Якутия) – 53, Алтайский край – 57, Камчатская область – 59, Сахалинская область – 61, Хабаровский край – 75, Приморский край – 84, Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) – 144, Иркутская область – 154, Тюменская область – 266, Красноярский край – 288 [6].

Таким образом, в 2002 г. назвали себя особой национальностью – казаками 1543 человек, проживающих на территории Сибири. На самом деле, количество лиц, относящих себя к современному казачеству, гораздо больше. Так, только к декабрю 2002 г. в Сибирское войсковое казачье общество (государственный реестр) входили 9 казачьих обществ, дислоцирующихся на территории Омской, Томской, Тюменской, Кемеровской и Новосибирской областей, в Алтайском крае и Республике Алтай, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, общей численностью более 10 тысяч человек (с семьями – более 30 тысяч) [7]. Кроме того, считают себя казаками около 20 тысяч членов различных общественных казачьих организаций. На 1 января 2006 г. в структуру «Сибирского казачьего войска» Союза казаков России входило 12 подразделений: Омская областная казачья община, Тюменское линейное казачье войско, Обско-Полярная казачья линия Ямало-Ненецкого автономного округа, Обь-Иртышский казачий отдел Ханты-Мансийского автономного округа (Югры), Тюменская казачья линия, Новосибирская областная казачья община, Кемеровский отдел, Алтайский отдел, Томский отдел, а также – в республике Казахстан: Усть-Каменогорский и Павлодарский отделы, Кустанайская областная казачья община [8]. В настоящее время к современному сибирскому казачеству относят себя около 50 тысяч человек.

Вопрос о национально-культурной идентичности (принадлежности) казаков, включая саму этимологию слова «казак», относится к дискуссионным и активно обсуждается учеными различных специальностей, как в нашей стране, так и за рубежом [9]. В тюркских языках слово «казак» переводится как «человек вольный, независимый, искатель приключений, бродяга», и даже – «разбойник» [10]. У В.И. Даля казак – это «войсковой обыватель, поселенный воинъ, принадлежащій къ особому сословію казаков, легкаго коннаго войска, обязаннаго служить по вызову на своихъ коняхъ, въ своей одежде и вооруженіи» [11]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова под казаками понимаются «члены военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах государства, активно участвовавших в защите и расширении государственных границ; крестьяне, потомки этих поселенцев, ... а также бойцы воинской части из этих крестьян» [12]. Интересно, что слово «казак» часто попадало в языки Сибири и приобретало значение «русский», так как первые русские пришельцы зачастую и были казаками [13].

Сибирские казаки являлись этносословной группой в составе русского этноса, формирование которой связывают с начальным периодом русского освоения Сибири и походами атамана Ермака (1580-е гг.). Специфические функции и образ жизни военно-служилого населения способствовали некоторой обособленности и привилегированности казаков. По сравнению с окружающим крестьянством, казачество было более образованным, зажиточным, тяготело к городской культуре и православной церкви [14]. Характерной особенностью сибирского казачества являлся неоднородный этнический и социальный состав: в него верстались казаки и крестьяне из Европейской части страны, Урала и Сибири, повстанцы с Дона, польские конфедераты, пленные наполеоновской армии, обращенные в христианскую веру киргиз-кайсаки, татары, чуваша, мордва и т.д. Важным для казаков являлись представления о личной свободе и независимости, понятия чести и преданности воинскому долгу. Поскольку казаки проживали в пограничных территориях, у них широко распространено было двуязычие. Среди сибирских казаков наиболее распространенным являлся казахский язык. Идентичными были даже сами названия - «казаки».

По вероисповеданию подавляющее большинство сибирского казачества являлись православными (в том числе – старообрядцами), но встречались представители других конфессий. В традиционном казачьем жилище в красном (переднем) углу обычно находилась божничка, или киот с иконами. Особо почитаемой у сибирских казаков являлась икона Николая Чудотворца, считавшегося покровителем Сибирского казачьего войска. Бытовали у сибирского казачества коллективные и семейные чтения религиозных книг (в праздники и по вечерам), пение духовных стихов. Сибирские казаки, кроме воинской службы, занимались земледелием, животноводством, пчеловодством, рыболовством и охотой. Домашние промыслы у сибирского казачества не получили особого распространения, так как все необходимое казаки могли купить (на ярмарках, базарах, в лавках). Тем не менее, многие казачки занимались прядением и ткачеством, шитьем, вышивкой и вязанием. В отличие от окружающих крестьян, казаки довольно рано стали использовать покупные ткани и городские формы одежды. У всех мужчин призывного возраста имелось обмундирование, пошитое из материала, предоставленного государством. «Народной отличительной эмблемой казаков» являлись лампасы. В воскресные и праздничные дни казаки всегда одевали мундиры. Военная форма казака, наряду с оружием, являлась семейной реликвией. Одежда женщин была более разнообразной: юбки, кофты, платья, реже - сарафаны. Пошитые из одинаковой ткани юбка и кофта назывались «парочкой». Особой популярностью пользовались кофты покроя «казачок»: короткие, отрезные по талии блузки, плотно обтягивающие фигуру.

К 1911 г. в Сибири проживало 675 тысяч человек, относимых к казачьему сословию [15]. Сибирское казачье войско было ликвидировано в декабре 1919 г. приказом Сибирского революционного комитета. После гражданской войны, в процессах расказачивания и раскулачивания многие из

сибирских казаков были репрессированы, а их дети и внуки вплоть до 1990-х гг. боялись признать себя потомками казачьего рода. Так, при первых опросах, проведенных нами в 1980-х гг. в бывших казачьих станицах Омской области, подавляющее большинство опрошенных называли себя *русскими*, лишь при уточняющих вопросах выяснялось, что «*предки были из казаков*». Обратная ситуация наблюдалась в Северном Казахстане. Там на вопрос: «*Вы русские?*» нам отвечали: «*Мы – казаки*». В советское время специфика казачьего самосознания лучше сохранялась у потомков казаков, оказавшихся на территории Казахстана. Способствовало этому иноэтническое казахское окружение (что обычно ведет к консервации традиций), сохранение исконных мест проживания (в Омской области, например, многие казачьи станицы переименовывались в деревни и заселялись крестьянами, а казачье население перемещалось в другие населенные пункты). По-видимому, сибирские казаки, оказавшиеся на территории Северного Казахстана, подверглись меньшим репрессиям, чем их собратья в России, поддержавшие в большинстве своем «белого адмирала» А.В. Колчака.

Проведенные в начале 2000-х гг. панельные исследования зафиксировали прямо противоположную 1980-м гг. ситуацию. Проживающие на территории Северного Казахстана потомки иртышских казаков все чаще называют себя *русскими*, утрачивая специфику казачьего самосознания (при сохраняющихся культурных традициях). А на территории Западной Сибири все чаще встречаются люди, гордо называющие себя *казаками*. Подавляющее большинство современных казаков, проживающих на территории Западной Сибири определяют себя *русскими*. Часть опрошенных называют себя *казаками* или *сибирскими казаками*. Среди современных казаков Сибири часто встречаются представители из других казачьих войск, чаще всего – из Кубанского и Донского, а также – из Уральского, Оренбургского, Терского и Забайкальского и др.

Несмотря на то, что некоторые определяют казаков в отдельную национальность, существует и такая точка зрения, согласно которой «*Казак – не национальность, а особое состояние духа*». Распространенными выражениями являются словосочетание «*вольный казак*» и поговорка: «*Терпи, казак, атаманом будешь!*». Среди заповедей сибирского казачества особо выделялась и выделяется следующая триада: «*Казакom нужно родиться! Казакom нужно стать! Казакom нужно быть!*». В качестве девиза употребляется следующий: «*Слава Богу, что мы казаки! Все перетерпеть и победить!*». Гимном современного Сибирского казачьего войска является «Песнь о Ермаке» К. Рылеева («Ревела буря, дождь шумел...»). Встречаются среди современного казачества люди, определяющие себя как *чалдоны* (*челдоны*) – «*вечные, исконные, коренные сибиряки*», «*русские коренные жители Сибири*», «*здешние уроженцы*», «*испокон веку здесь живущие*». Также среди вариантов самоидентификации казаков Сибири встречаются следующие: *мужчина* (*настоящий мужчина*), *воин*, *россиянин*, *патриот*, *атаман*, *хорунжий*, *есаул*, *сибиряк*. Особый интерес представляет самоидентификация «*метис*» (так называют себя люди,

родившиеся в национально-смешанных семьях). Для казачества Сибири браки с людьми различных национальностей являются обычным делом. Вот характерное высказывание родовой сибирской казачки Т.Ф. Галайбы, записанное нами в с. Прииртышское Железинского района Павлодарской области: *«Я в нациях не разбираюсь, лишь бы душа да человек хороший»* (запись 2004 г.). Для казаков (в целом) определяющую роль в отношениях играли личностно-психологические характеристики отдельного человека, характерной чертой являлось толерантное отношение к людям разных национальностей и вероисповедания.

В 2000–2007 гг. мы проводили этносоциологические исследования, одной из задач которых являлось выявление авто- и гетеростереотипов казачества. Интересно, что они существенно отличаются. Так, согласно мнению самих казаков, характерными чертами для них являются смелость, воля, патриотизм, сила, храбрость, мужественность, удаль, смекалка, любвеобильность. По мнению окружающего населения, казаки чаще всего - своевольные, гордые, непокорные, упрямые, драчливые, задиристые, бесшабашные, «гулящие». Чтож, казаки являлись в царской России привилегированным сословием, специфическая «особость» ощущалась казаками всегда, они четко отделяли себя от окружающего крестьянского населения («мужиков»), очень неохотно отдавали своих дочерей замуж за крестьянина.

Неоднозначно и противоречиво отношение к возрождению казачества: от уважения и восхищения до полного презрения и отрицания. У русского населения Западной Сибири при слове «казак» чаще всего возникают следующие ассоциации: *воин, войско, конь (кони, лошади), свобода, воля, вольница, шашка (сабля), атаман, Дон (и «Тихий Дон»), Тарас Бульба, граница, защитник*. Также отмечались особенности их внешнего вида и одежды: *усы, чуб, шаровары, лампасы, папаха*. Во многих ответах подчеркивалось, что раньше казаками считались *«вольные люди на лошадях, с саблями», «служилые люди, защитники отечества», «люди, охраняющие границы России при царях», «вольные люди, кочующие по просторам нашей Родины», «люди слова и чести, почитающие своего атамана», «дружный народ», а сейчас – «не знаю, кого можно отнести к казакам», «настоящих сейчас нет», «неопределенная категория, существующая только в сознании», «их век прошел, сейчас это что-то балаганно-вычурное», «ряженые самозванцы».*

Поскольку для поддержания каждой культурной традиции необходимо ее постоянное воспроизводство и функционирование межпоколенной связи (от старших – к младшим), в современных условиях особую важность приобретает работа, направленная на изучение, сохранение и пропаганду лучших казачьих традиций, развитие межрегионального сотрудничества, координацию действий представителей академической науки, культуры и образования с представителями различных казачьих обществ. Этим же целям должны соответствовать проводящиеся конференции и фестивали,

действующие Центры казачьей культуры, хранящиеся в музеях коллекции, представляющие историю и культуру сибирских казаков [16].

Сложная, многогранная, и во многом противоречивая проблема национально-культурной идентичности сибирского казачества во многом остается нерешенной. Современное казачество Сибири отличается довольно высокой гетерогенностью, обусловленной спецификой заселения и расселения, различными историческими, социально-экономическими, природно-географическими и этнокультурными факторами. Поэтому для казачьей культуры характерными чертами являются многосложность, разнообразие и синкретизм различных культурных традиций. Неоднородность социального, этнического и конфессионального состава, большая территориальная разбросанность, разобщенность источников, материалов, исследований российских и казахстанских ученых, недостаток конкретной информации вызывают существенные трудности в исследовании этой проблематики. Для дальнейшей разработки этой тематики необходимо проведение комплексных работ по собиранию, изучению и пропаганде историко-культурного наследия сибирского казачества, с целью написания обобщающего историко-культурного исследования.

Литература

1. Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: Материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 1993; Казачество в истории России: Материалы Всероссийской научной конференции. – Краснодар, 1993; Казачество: история и современность: Материалы научно-практической конференции. – Омск, 1994; Катанаевские чтения–98: Материалы докладов Второй всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 1998; Катанаевские чтения: Сборник научных трудов, посвященный военному администратору и ученому генерал-лейтенанту Георгию Ефремовичу Катанаеву (1848–1921). – Омск, 2003; Катанаевские чтения: Материалы Пятой Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 17–18 апреля 2003 г.). – Омск, 2003; Катанаевские чтения: Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 23–24 мая 2006 г.). – Омск, 2006; Первая общероссийская научно-практическая конференция «Казачество как фактор исторического развития России». – СПб., 1999; Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 420-летию Сибирского казачьего войска (г. Омск, 17–18 декабря 2002 г.). – Омск, 2003 и др.

2. Гнезденко А.М., Гнезденко В.М. За други своя или все о казачестве. – М., 1999; Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. – Барнаул, 1996; История казачества Азиатской России. В 3-х т. – Екатеринбург, 1995; Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири 1582–1808 гг. (Краткие очерки). – Ч. 1–4. – Омск, 1996; Очерки традиционной культуры казачеств России. В 2-х т. – М. – Краснодар, 2002, 2005 и др.

3. Жигунова М.А. Об изучении этнической истории и культуры сибирского казачества // Первая общероссийская научно-практической конференции... – С. 88; Жигунова М.А. Матвеев О.В. Из истории изучения фольклора и этнографии казачеств России // Очерки традиционной культуры казачеств России. – Т. 1. – С. 103.

4. Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. – Алматы, 1994. – С. 142.

5. Жигунова М.А., Золотова Т.Н. Новые материалы по традиционной духовной культуре сибирских казаков // Источники и методы исследования социальных и культурных процессов. – Омск, 1988. – С. 153–159; Жигунова М.А. Материалы по этнографии сибирского казачества (одежда) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Вып.4. – Барнаул, 2001. – С. 83–86; Она же. Поселение и традиционное жилище казаков // Очерки традиционной культуры казачеств России. – М. – Краснодар, 2002. – С. 473–475; Она же. Традиционная одежда казаков // Очерки традиционной культуры ... – Т. 1. – С. 552–556; Жигунова М.А., Матвеев О.В. Из истории изучения фольклора и этнографии казачеств России // Очерки традиционной культуры...Т. 1. – С. 99–109; Она же. Красный флаг для невесты // Родина. Российский исторический журнал. – 2004. – № 9. – С. 75–80; Она же. О похоронной обрядности сибирских казаков // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы–Омск, 2004. – С. 191–194; Она же. О традиционных верованиях сибирского казачества // Культурологические исследования в Сибири. – 2004. – № 1 (12). – С. 84–94; Она же. Обряды жизненного цикла сибирских казаков // Культурологические исследования в Сибири. – 2005. – № 1 (15). – С. 83–94; Она же. Сибирское казачество. Фольклор // Очерки традиционной культуры казачеств России. – М. – Краснодар, 2005. – Т. 2. – С. 452–462; Она же. Казачество Сибири и Северного Казахстана: проблема идентификации // Мир казачества. Сборник научных трудов. – Вып. 2. – Краснодар, 2007. – С. 111–122 и др.

6. http://www.perepis2002.ru/ct/doc/ТОМ_04_03.xls.

7. Плетнев В.А. Сибирское войсковое казачье общество (государственный реестр): состояние, цели и задачи на современном этапе // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее... – С. 94–95.

8. Русский рубеж. Газета Межрегиональной общественной организации «Сибирское казачье войско» Союза казаков России. – № 25, февраль 2006. – С. 6.

9. Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. – Алматы, 1994. – С. 10–32; Асфендиаров С. История Казахстана (с древнейших времен). – Алматы, 1993. – С. 93; Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.-Новосибирск, 2000. – С. 232–234; Народы России: Энциклопедия. – М., 1994. – С. 169–174; Словарь русских народных говоров. – М. – Л., 1966-1999. – Т. 12. – С. 306-307; Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975-1998. – Вып. 7. – С. 17; Словарь языка мангазейских памятников /Сост. Н.А. Цомакион. – Красноярск, 1971. – С. 176; Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992. – С. 52, 115; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1986–1987. – Т. 2.– С. 158; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стереотип. – Т. 1.– М., 1999. – С. 367–368; Етимологічний словник української мови. Т. 1-3. – Київ, 1982-1989. – Т. 2. – С. 495–496.

10. Фасмер М. Этимологический словарь... – С. 158; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь ... – С. 368.

11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртене. В четырех томах. Т. II, И-О. – М., 1998. – С. 176.

12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – С. 224.

13. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири... – С. 233; Хелимский Е.А. Компаративистика. Уралистика: лекции и статьи. – М., 2000. – С. 352.

14. Жигунова М.А., Золотова Т.Н. Характерные черты праздничной культуры сибирских казаков // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 2000. – С. 127–137; Они же. Традиционная культура сибирского казачества: история и перспективы изучения // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее... – С. 59.

15. История казачества Азиатской России. – Екатеринбург, 1995. – С. 13.

16. Жигунова М.А. Третий межрегиональный фестиваль казачьей культуры «Наследие» // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 3 (11). – С. 187–195; Она же. Экспозиция по сибирскому казачеству в Музее археологии и этнографии

Омского государственного университета // Электронный век и музеи. – Омск, 2003. – Ч. 1. – С. 247–252; Она же. Этнографические коллекции по восточным славянам в Музее археологии и этнографии Омского госуниверситета // Культурологические исследования в Сибири. – 2005. – № 3 (17). – С. 107–113; Матвеев А.В., Трофимов Ю.В. Исследования Горькой линии военных укреплений XVIII века (историография вопроса, новые проблемы, решения) // V Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Материалы Всероссийской научной конференции. – Омск, 2000. – С. 77–83; Первых С.Ю. Коллекция музейных предметов по истории Сибирского казачьего войска в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея // Катанаевские чтения–98: Материалы докладов второй всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 1998. – С. 277–280; Сибирское казачье войско в фотографиях Омского государственного историко-краеведческого музея. Каталог / Сост. Л.П. Полоницкая. – Омск, 2000.